

Сын бога войны

Скиф Октамис верил, что его сила — дар богов. Ярость и мощь, с которыми он сражался, были благословением беспощадного и непобедимого бога Ареса. Судьба не раз испытывала Октамиса на прочность. Спасая от смерти любимую девушку Янину, он совершает отчаянный поступок и, рискуя своей жизнью, бежит с ней из военного лагеря. Скитаясь, они примкнули к войску царя Ишпака. Мужество, находчивость и решительность Октамиса поразили царя. Молодому воину доверили командование целой армией. Он одерживает победу за победой. По пути в Ассирию, которую царь хотел утопить в крови, Октамис полностью погружается в военные будни, забывая о Янине, которая ждет ребенка. Отчаявшаяся девушка находит смерть в бою. Весть о гибели Янины потрясла Октамиса до глубины души, жизнь утратила всякий смысл. Поможет ли ему на сей раз бог войны Арес?..

Святослав Воеводин

СЫН
БОГА ВОЙНЫ

СЫН
БОГА ВОЙНЫ

Святослав Воеводин

СЫН
БОГА ВОЙНЫ

РОМАН

ХАРЬКОВ 2020 КЛУБ
СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
2021

ISBN 978-617-12-8419-7 (epub)

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Электронная версия создана по изданию:

Дизайнер обложки *Наталья Коноплич*

Скиф Окталис верил, что его сила — дар богов. Спасая от смерти любимую девушку Янину, он совершает отчаянный поступок и, рискуя своей жизнью, бежит с ней из военного лагеря. Скитаясь, они примкнули к войску царя Ишпака. Молодому воину доверили командование целой армией. Он одерживает победу за победой. По пути в Ассирию Окталис полностью погружается в военные будни, забывая о Янине, которая ждет ребенка. Отчаявшаяся девушка находит смерть в бою. Весть о гибели Янины потрясла Окталиса до глубины души, жизнь утратила всякий смысл. Поможет ли ему на сей раз бог войны Арес?..

Воеводин С.

В63 Сын бога войны : роман / Святослав Воеводин. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2020. — 288 с.

ISBN 978-617-12-8199-8

Скіф Окталіс вірив, що його сила — дар богів. Рятуючи від смерті кохану дівчину Яніну, він наважується на відчайдушний крок і, ризикуючи своїм життям, біжить із нею з військового табору. Блукаючи, вони приєдналися до війська царя Ішпака. Молодому воїну довірили командування цілою армією. Він здобуває перемогу за перемогою. Дорогою до Ассирії Окталіс повністю занурюється у військові будні, забувши про Яніну, яка чекає дитину. Зневірена дівчина знаходить смерть у бою. Звістка про загибель Яніни вразила Окталіса до глибини душі, життя втратило будь-який сенс. Чи допоможе йому цього разу бог війни Арес?..

УДК 821.161.1

© Майдуков С. Г., 2020

© Depositphotos.com / piolka; dimabl; fxquadro; Msvitlychna; serhii.bobyk.gmail.com; photo_jeong, обложка, 2020

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2020

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2020

Глава 1. Кочевники

Владения склавинов были тучными и богатыми добычей. Вступив сюда, племя Амизака не знало в пути ни голода, ни жажды, ни каких-либо иных напастей. Солнце ходило высоко, холмистая степь цвела пышным цветом, давая обильный корм коням и скоту. Равнины и рощи были полны зверья, реки бурлили от обилия рыбы, никто не преграждал племени путь, не пытался защитить плодородные земли.

Сколоты продвигались вперед беспрепятственно, не встречая сопротивления, — чем дальше, тем все более преисполняясь уверенности в своем праве топтать эти земли копытами. В этом мире все принадлежит тем, кто имеет смелость и силу брать.

Сколоты были бесстрашными и умелыми воинами, и им нечего было терять, кроме жизни. Все свое время они проводили в скитаниях, уменяя весь скарб в повозках и чересседельных сумах. Кожаные одежды и сапоги их не знали сносу, оружия хватало, а все остальное добывалось войной и охотой.

Амизаку было за сорок, но он проделывал долгие переходы в седле, не желая ни в чем уступать молодым воинам. Проявить слабость — все равно что подставить глотку: нате, режьте, рвите зубами, жрите старого жожака, ставьте нового. Амизак надеялся, что умрет иначе: в бою, во сне, на одной из своих пяти жен, на охоте. Он был опытен и осторожен.

Наружность, осанка и повадки сразу выдавали в нем человека, привыкшего повелевать и подчинять себе других. Среднего роста, с очень прямой спиной и могучей шеей, он сидел на коне так, словно срастался с ним на время скачки. Не случайно греки, впервые увидевшие конных сколотов издали, приняли их за мифических кентавров, полулюдей-полуконей, и потом долго изумлялись, обнаружив, что это были всего лишь всадники, обучавшиеся искусству верховой езды с ранних лет. словно бы в отместку за свой страх и благоговение перед чужеземцами, они назвали их скифами, то есть дикарями, и под этим прозвищем сколоты стали известны миру.

Однако сами себя они скифами не называли и дикими не считали. Не было у них и таких понятий, как народ и государство. Многочисленные племена, перемещавшиеся с юга на север, которые

говорили на одном языке, не имели общего правителя, общих границ, интересов и целей. Имелись среди них скотоводы и земледельцы, охотники и рыболовы, завоеватели и кочевники. При этом каждое отдельное племя сочетало в себе все эти характеристики. Та тысяча сколотов, которая шла за Амизаком, и воевала, и гнала с собой стада домашних животных, и, случалось, собирала урожай, когда удавалось захватить распаханное поле и удерживать их достаточно долго.

В последнее время племя продолжало бороздить степь, подаваясь то в одну сторону, то в другую. Примерно раз в три дня Амизак приказывал разбивать стойбище и давал людям отдых, а небольшие отряды кружили поблизости, разведывая пути и обстановку. Пока воины занимались своими делами, ловцы загоняли зверя и таскали рыбу сетями, женщины вялили и коптили добычу, дети плодились, скот пасся и нагуливал жир. Животы и щеки людей округлялись, бока коней раздувались, вымя коз свисало до земли — все были сыты, довольны жизнью и смотрели на Амизака с восхищением.

Когда дозорные приносили весть о встречных путниках или селениях, племя ликовало, предвкушая богатую добычу. Амизак тут же запрыгивал в седло и скакал во главе отряда, потому что знал: сколько ни карай нечистых на руку, а все равно растащат добычу по своим кибиткам и переметным сумам. Также не хотелось Амизаку терять пленников, ибо без него воины столь рьяно рубили мужчин и терзали женщин, что успевали сгубить половину, прежде чем доводили их до стойбища. Вот и теперь, выслушав донесение дозора, вождь сразу же забрался в седло и поскакал вперед, ведя за собой лихую ватагу в полтора десятка мечей.

Конь под ним был черный, лоснящийся, крупный, сразу заметный среди обычных степных лошадок, мохнатых и невзрачных, хотя и проворных. Сидя на своем Вороне, Амизак возвышался над воинами чуть ли не на голову, и ему это нравилось, потому что напоминало всем окружающим, кто здесь хозяин.

Ворон бежал ровно, заранее угадывая норы и бугры в траве и ставя ноги так, чтобы не угодить в скрытые от глаз ловушки. Сколоты были прекрасными наездниками, однако и кони у них были отменные. Амизак мерно покачивался в седле и подбирался, чтобы облегчать Вороне прыжки через препятствия. За своей спиной он слышал дробный перестук копыт, но один всадник вырвался вперед, нагоняя

Амизака. Бросив взгляд через плечо, он увидел рядом того, кого и ожидал увидеть, — Октамиса, которого недавно приблизил к себе за отвагу, удаль и силу. Будь парень постарше, он знал бы, что далеко не первый и даже не десятый такой. Амизак ценил доблестных воинов, однако при этом терпеть не мог, когда кто-то хоть в чем-то превосходил его самого, поэтому со временем избавлялся от любимцев разными способами и под любыми предложениями.

Октамис не замечал этого, но вождь ревниво косился на него всякий раз, когда их кони сближались и начинали идти вровень. Юноше было восемнадцать или того меньше. Родителей он не помнил. Как и многие другие, Октамис был взят в племя мальчишкой, когда родичей его перебили при набеге. Поначалу малец злобился, рычал и скалился, будто волчонок, но со временем обтесался, пообвык, стал неотличим от скотов и забыл напрочь, что сам был родом из этих краев и принадлежал когда-то к племени склавинов, которых теперь убивал без жалости и считал своими врагами.

Прежнее имя его давным-давно было заменено на новое, он привык быть Октамисом и не задавал лишних вопросов. А вот у Амизака вопросы возникали. Не задумает ли однажды Октамис занять его седло и место в белой войлочной кибитке, вдвое превышающей размеры любой прочей? Не позарится ли на сокровища своего господина? Не пожелает ли возлечь со всеми его женами, которые холодными ночами согревают лучше всякого костра? Да, сегодня Октамис приближен к Амизаку и является его правой рукой. А что завтра будет? Не вцепится ли эта рука в глотку своему хозяину? Не лучше ли избавиться от Октамиса прямо сейчас, пока он не возмужал и не созрел достаточно, чтобы выступить против вождя?

Останавливали Амизака от немедленной расправы два обстоятельства. Во-первых, таких воинов, как Октамис, надо было еще поискать, а за вождем он был готов идти и в огонь и в воду. Во-вторых, парень не блистал умом, не отличался смекалкой и все его хитрости всегда были шиты белыми нитками. Прикидывая возможности этого простака, Амизак всякий раз говорил себе, что близость его пока что не таит в себе угрозы. На место советника или соратника юноша не претендовал, а как телохранитель не знал себе равных и уже не раз выручал своего вождя из передряг, всегда подоспевая в нужный момент на подмогу.

При всем этом его манера не просто держаться рядом, а еще и забегать вперед раздражала Амизака. Не нравились ему и взгляды, которые бросали женщины на Октамиса. Парень был статный, на полголовы выше самого высокого соплеменника, с безволосой грудью, состоящей из двух мышечных плит, сдвинутых вплотную над узловатыми мускулами живота. Борода у него росла плохо, светлые усишки выдавали юный возраст, поэтому он взял обыкновение брить лицо ножом, на восточный манер. Еще в начале весны старшие товарищи подсмеивались над Октамисом и сравнивали его с девушкой, но шутки прекратились, когда он пригрозил отрезать язык самому рьяному из насмешников, а потом действительно сделал это, бросил окровавленный комок собакам и спросил, есть ли еще желающие поупражняться в остроумии.

В племени было запрещено убивать соплеменников, но Октамис не нарушил закон и отстоял свою честь, что не могло не вызвать к нему уважения. Только онемевший Корсак таил на него злобу и, возможно, примеривался, как бы незаметно всадить обидчику нож в спину, но пока что не высовывался, дожидаясь боя или другого удобного случая. Амизак прекрасно знал это, однако приструнить Корсака не спешил: всегда полезно иметь при себе враждующих соперников, которых в случае чего можно стравить друг с другом.

Все эти размышления не были такими долгими и связными, как изложено здесь. Как и любой человек, Амизак думал отрывочно, постоянно перескакивая с пятого на десятое. Так называемый мыслительный процесс его мало чем отличался от того состояния, в котором он находился во время сна. Только что ему казалось, будто он размышляет о важных вещах и принимает какие-то решения, но стоило проводнику объявить, что они приближаются к цели, как все эти мысли вылетели из головы, сменившись совершенно другими.

Он пропустил дозорных вперед и поднял правую руку, призывая остальных к предельной осмотрительности. Кони пошли шагом, изредка переходя на мелкую рысь. Отряд пересек ручей в овраге и поднялся по склону к роще, на краю которой были установлены десятка три выдолбленных сосновых стволов, вокруг которых с гудением роились пчелы. Предосторожности оказались напрасными: бортники сбежали еще до появления сколотов, заметив дозорных, подкрававшихся к пасеке. Охранять хозяйство оставили древнего

старика с белой бородой по пояс, рассудив, что спрос с него невелик и обижать его незачем. Выцветшие глазки его смотрели благожелательно и немного бессмысленно, как у ребенка.

Амизак направил к нему людей с расспросами: кто и где обитает в этих краях, велико ли войско у местного правителя и так далее. Пока они расспрашивали бортника, остальные воины разоряли пчелиные жилища, набивая медом рты, сумки и горшки. Чтобы не выдать себя, пчел дымом не травили, и, разъяренные вторжением, они нещадно жалили грабителей. Воздух так и дрожал от их усилившегося гудения.

Одна пчела запуталась у Амизака в бороде, другая ужалила в бровь. Он и Октамис поднялись на пригорок, продуваемый ветром, чтобы наблюдать за происходящим оттуда. Распухший, но веселый воин подвез им в шлеме тающие соты и поспешил обратно, кутаясь в плащ. Прискакал допросчик, сказал, что старик лепечет что-то, но наречие его непонятно, так что толку от него никакого.

— И пчелы его не кусают, — сообщил допросчик. — У меня вон как рожу разнесло, а этому старому хрычу хоть бы что. Мы тут посоветались. Может, его медом намазать и головой в дупло сунуть? Поглядим тогда, какой он заговоренный.

— В дупло не надо, — решил Амизак, — а зарезать придется. Не то сболтнет своим, что чужие были.

— Пощади старика, вождь, — попросил Октамис.

— Тебе-то что за дело?

— Он и сам вскорости помрет — из него труха сыплется. Нет смысла в его казни. Те, кто его бросил, сами уж давно своих оповещать побежали.

Сказанное было чистой правдой. Именно это обстоятельство разозлило Амизака. Кто любит признавать свои ошибки? Правителю это особенно неприятно.

— Здесь мое слово приказ, — напомнил он ворчливо.

Октамис взглянул на него исподлобья.

— Кто бы спорил, вождь, — произнес он примирительно. — Я же прошу только. Решать тебе.

— Жалко деда стало?

— Выходит, что так.

— Сердце у тебя чересчур мягкое, — сунув в рот сочащийся желтый воск, Амизак пожевал и добавил, усмехнувшись: — Как мед.

— Но не такое сладкое, — засмеялся Октамис.

Вождь тоже не удержался от улыбки и махнул гонцу, чтобы старика оставили в покое.

— Где же селение искать? — пробормотал он после того, как облизал пальцы и запил приторную сладость водой из поданной баклаги. — Нельзя медлить. Непременно нужно опередить пчеловодов, чтобы враг приготовиться не успел.

— Селение рядом должно быть, — прикинул Октамис. — Иначе куда мед возить? Не для себя же они пчел развели.

— Правильно мыслишь, — одобрительно кивнул Амизак. — Но в какую сторону податься? — он прищурился. — Тут три тропы проложено. По которой поедем?

— Двинемся по той, где колеи от колес проложены. Отправь людей помет искать, вождь. Где свежее, там вернее.

— Твоя правда, — кивнул Амизак, подбирая поводья. — Вот ты и ищи лошадиное дерьмо. Не все ж тебе медком баловаться. Давай, давай, парень, пошевеливайся, хватит прохлаждаться.

Октамис вздрогнул, точно его холодной водой окатили, настолько резкой была смена тона. Насупившись, он ударил ногами коня и отправился выполнять приказ. Амизак провожал его пристальным взглядом. От его глаз не укрылось, как изменилось лицо юноши, когда ему было велено искать лошадиный помет. Избаловался, возомнил себя важным человеком. Гордыню его надобно ломать, пока не поздно. Незаменимых рядом с вождем не бывает. Амизак подбоченился в седле.

Воины, вволю наевшиеся меду, покидали разоренную пасеку, гогоча и отмахиваясь от преследующих их пчел. Укусы редко достигали цели. Одежды воинов были кожаные, рукава они носили длинные, штаны заправляли в сапоги, а головы их были покрыты островерхими шлемами и густыми волосами. Если кто и пострадал от пчелиных жал, так это кони, нервно приплясывающие под всадниками, щелкающие зубами, мотающие головами и обмахивающие себя хвостами.

— Манхай! — окликнул Амизак. — Лети стрелой за войском, догоняйте нас. Мы туда подадимся, — он кивнул на Октамиса, подающего призывные знаки. — По следу нас найдете.

С этими словами Амизак припустил к подножию холма, да так резво, что походный плащ взвился за его спиной. Чтобы не

кувыркнуться через голову, он погнал коня не прямо вниз, а вдоль склона, интуитивно выбирая направление и скорость рыси. Он был прирожденным всадником. Как и все, кто скакал за ним.

Половину жизни мужчины проводили в седле. Возможно, они плохо разбирались в земледелии и строительстве, зато с детства принимали участие в охоте и сражениях. Первое очень способствовало второму. Загоняя табуны лошадей и антилоп, сколоты не только совершенствовались в верховой езде, но также приучались незаметно подкрадываться к добыче и действовать слаженно, руководствуясь командами, приходившими издалека. Для этого существовала целая система знаков, подаваемых с помощью рогов и знамен. В бою и охоте каждый прислушивался и ловил взглядом поднятое древко, по сигналу которого предстояло действовать.

Октамис не только в совершенстве владел этими приемами, но и с ранних лет был обучен читать следы и свободно, как в стойбище, ориентироваться в степи. Он почувствовал близость селения задолго до того, как оно предстало его взору. Под вечер пропали, будто сквозь землю провалились, обычные обитатели степи: перестали выскакивать из-под копыт куропатки и зайцы, исчезли из виду стада, перемещающиеся по равнине. Через некоторое время, когда закатное зарево охватило небо, чуткие ноздри Октамиса уловили запахи дыма, пищи и отбросов. И вот уже он придерживает поводья, переводя своего Ястреба на шаг.

Коню это не понравилось. Он только-только вошел во вкус привольной скачки по вечерней степи, когда никто не подгоняет плетью и шпорами. Выказывая свое недовольство, он задергал ушами и вытянул шею, преодолевая сопротивление узды. Октамис слегка стукнул его кулаком по голове, и конь очнулся, вспомнив, кому он подчиняется и почему.

— Лежать! — велел спешившийся Октамис.

Ястреб покорно повалился в траву. То же самое проделали остальные кони. Амизак спрыгнул на землю неловко, слегка подвернул ногу и почувствовал глухое раздражение. Тотчас вспомнилось, что Октамис остановился, не дожидаясь его приказа и проявив самовольство в присутствии остальных. Допускать этого было нельзя ни в коем случае. Когда один нарушает установленный порядок, то и другие начинают позволять себе строптивость.

— Октамис! — позвал Амизак негромко. — Иди сюда.

Они стояли в траве, доходящей им до пояса и мерно раскачивающейся на ветру. Селение пока что было скрыто от их глаз гребнем холма, за которым они остановили коней. Октамис покосился в ту сторону. Было видно, что ему не терпится взобраться на возвышенность, чтобы посмотреть на селение, но проигнорировать зов вождя он не мог.

— Слушаю тебя, Амизак, — произнес он, приблизившись.

Остальные тоже подошли, образовав полукольцо. Могучий Лид, хитрый Сагил, быстроногий Орик, зоркий Манхай, обжора Нарсагет, одноглазый Палий и прочие — все они ждали, чем закончится урок.

— Это хорошо, что ты меня слушаешь, Октамис, — произнес Амизак с той вкрадчивостью, которая порой опаснее любых откровенных угроз. — Плохо, что не всегда и не сразу.

— Я не понимаю тебя, вождь, — признался юноша.

Кожа на его гладком челе пошла морщинами, похожими на мелкую рябь на воде.

— Что сделал ты, когда конь тебя не послушал? — спросил Амизак.

Во взгляде Октамиса проступило понимание того, что сейчас произойдет, но было поздно. Ладонь вождя врезалась ему в лоб, так что голова качнулась назад.

— Ты ударил Ястреба, — ответил Амизак на свой же вопрос. — И он сразу же сделался послушным. Ты напомнил ему, кто тут главный, а кто должен слушаться. Все норовят забыть о своем месте. Приходится напоминать, — кулак вождя опустил на голову Октамиса, нахлобучив шлем по самые глаза. — Здесь я отдаю приказы, — продолжил он. — Я решаю, когда скакать, когда останавливаться и что делать потом. А если кому-то кажется иначе, то такого надо наказывать: лупить по голове, чтобы доходило.

Октамис покраснел. Он слышал, как смеются над ним воины, и громче всех — безъязыкий Корсак. Не в силах выразить свои чувства вслух, он преувеличенно раскачивался и хватался за живот, показывая, как ему смешно. Октамис так сильно стиснул зубы, что они заскрежетали. Его рука опустилась вдоль туловища, ища рукоять короткого меча, висящего в ножнах на поясе.

Амизак решил, что с парня достаточно.

— Хватит! — повысил он голос. — Некогда веселиться. Пора заняться делом.

Подавая пример, он пригнулся и стал взбираться на холм, где устроился среди кустарника, чтобы начать наблюдение. В низине, неподалеку от излучины узкой степной реки, сколоты увидели не обширное селение, а небольшое стойбище чужаков, числом не более сотни. Примерно половину их составляли женщины, возницы, рабы и люди купеческого вида. Охраняло стоянку всего лишь двое всадников, которые медленно двигались по кругу. Остальные воины разводили костры, мылись и занимались своими будничными делами, расположившись на примятой траве. По всей видимости, это был обоз, перевозивший какой-то ценный груз. На каждую повозку приходилось примерно по пять воинов. Амизак ощутил, как его сердце забилось быстрее. Он любил добычу и знал, что держать племя в подчинении способна не только сильная, но и щедрая рука.

— Склавины, — определил залегший рядом Сагил. — Щиты треугольные, а шлемы островерхие, как наши.

— Сам вижу, — пробормотал Амизак.

Жуя стебелек, он решал про себя, напасть на стойбище малым числом или же погодить, пока подоспеет подкрепление. Судя по всему, обоз двигался в сторону селения, куда вела дорога; животные и люди выбились из сил, совершая последний переход, поэтому решили заночевать в степи, вместо того чтобы продолжать путь в темноте. Или, быть может, сломалось колесо повозки, или приключилась еще какая-нибудь неприятность, без которых не обойтись в странствиях. Нельзя было исключать и ту вероятность, что до города было еще далеко, а путники не знали, где именно он находится. Как бы то ни было, они остановились, и участь их была предрешена.

— Мы нападём первыми, — решил Амизак. — Сами все сделаем. Не будем ждать остальных.

— На каждого нашего трое придется, — предупредил Манхай.

— Или даже больше, — поддакнул Орик.

— Ничего! — воскликнул Октамис. — Налетим неожиданно. Никто даже опомниться не успеет.

Опять он брал на себя слишком много. Амизак хотел приструнить его, но передумал. Перед боем лучше не сердить своих воинов, не то воткнется в спину стрела, разбирай потом, кто пустил.

— Каждый выберет себе цели, — повысил голос Амизак. — Для стрел и для меча. Бьем из луков с середины пути, потом рубим тех, кого наметили, и тех, кто рядом. Заходим россыпью, растягиваемся во всю ширину стойбища. Я поскачу в середине. Готовьте коней.

Воины дружно сползли вниз. Октамис привел Ворона, передал Амизаку поводья. Спросил, избегая смотреть в глаза:

— Мне рядом держаться? Или ты мне больше не доверяешь?

— С чего ты взял? — осведомился Амизак, поправляя подпругу, чтобы не свалиться в разгар боя.

— Ты гневаешься на меня, вождь. И я никак не возьму в толк, за что.

— Не забегай вперед, Октамис. Жди, пока я свое слово не скажу. Будь рядом, но не делай ничего без приказа.

Юноша потупился. Его так и подмывало спросить, требуется ли ему разрешение для того, чтобы спустить штаны и справить нужду, однако он понимал, что за такие речи можно попасть к Амизаку в немилость. Это было бы большой бедой. Будучи честолюбивым, Октамис любил быть на виду. Кроме того, находясь рядом с правителем, он и сам возвышался над другими.

А как же иначе? В толпе теряться скучно.

Октамис всегда считал себя особенным, способным на великие свершения, достойным того, чтобы быть замеченным и выделенным как людьми, так и богами. Его не устраивал удел рядового воина. Юноша видел, что он не такой, как остальные. Он сильнее, выше, пригожее, он быстрее соображает и лучше ориентируется.

Пока Амизак жив, нужно хорошенько учиться у него искусству управления людьми. Это было непростым ремеслом, но каждый преподнесенный урок шел Октамису на пользу. Он не желал, чтобы его осаживали и пренебрежительно тыкали в лоб. Он сам хотел указывать и повелевать.

Глава 2. Победители и побежденные

Когда Амизак повел свое маленькое войско на лагерь склавинов, Октамис впервые в жизни подумал, что не возражал бы, если бы его повелитель в бою сложил голову. Эта мысль была злой, холодной и очень короткой, как полет стрелы, пущенной из лука. Других не было. Вернее, сознание не успевало фиксировать их. Мозг действовал стремительнее, отдавая приказы телу.

Октамис, вызвавшийся уложить обоих верховых охранников, попал стрелой с первого раза, привесил лук на седло, а меч выхватил из ножен. В эти мгновения он удерживался на спине коня лишь силою стиснутых ног, но ему этого было достаточно.

Враг за лук схватиться не успел. Оценив обстановку, он тоже поднял меч и погнал коня навстречу Октамису. Рот его казался черной дырой в зарослях дремучей бороды. Он что-то орал на скаку, надеясь, наверное, ошеломить Октамиса воинственным кличем. Если так, то напрасно: Октамис его не слушал и не слышал. Свесившись с седла, он пропустил над собой сверкнувший клинок, а потом круто развернул Ястреба, нагнал дозорного и вонзил ему меч в поясицу.

Пока он выполнял свою задачу, его соратники уже вовсю бились внутри стойбища. Октамис поспешил им на помощь. В голове его было пусто и ясно, когда Ястреб сшиб грудью склавина, стоявшего у него на пути, и тотчас врезался в столпотворение, бурлившее среди костров и шатров. Прижав противника к повозке, Октамис разрубил ему ключицу, развернул коня и успел отразить удар копья, которым его попытались поддеть снизу.

Движения были точными, уверенными, не требующими специальной подготовки. Октамис полосовал, колол, сминал, топтал и при этом не забывал прикрывать Амизака справа, там, где тот не имел возможности заслоняться щитом. Он забыл обиды и помыслы. Шел бой, и нужно было полностью сосредоточиться на нем, чтобы не погибнуть до того, как осуществятся смелые планы и мечты.

Лязгала сталь, гудели головни, швыряемые из костров, летели искры и металась тени. Шла пляска смерти, в которой склоты знали толк.

Это было то, что они умели лучше всего на свете.

Устроив стоянку, склавины стреножили коней и пустили пастись, поэтому не успели вскочить в седла и оказать достойное сопротивление конным сколотам. Свои возы они, как водится, поставили в круг, чтобы обороняться внутри в случае набега. Однако туда сумели отступить лишь немногие воины, поскольку десятка три полегло убитыми и ранеными в первые же минуты смятения, а остальных нерасторопных сейчас добивали копьями и мечами, гоня по равнине.

Обозный люд, вместо того чтобы объединиться и помогать своим воинам, надеялся отсидеться под возами. Однако улизнуть в степь им было не суждено. Носясь по стойбищу, кони разбросали повсюду жаркие угли костров, так что вокруг было слишком светло для побега. Стоило кому-нибудь кинуться в спасительную темноту, как его тут же настигала стрела или разящая сталь.

Сколоты были опытными воинами и, нападая, брали не числом и даже не умением, а сплоченностью и согласованностью действий. Они действовали сообща, тогда как склавины оказались не способны объединиться для отражения налета. Каждый бился в одиночку, защищая свою жизнь, а потому жизни эти обрывались одна за другой.

Был кратковременный период боя, когда могло показаться, что осажденным удастся отбиться. Отступившие за повозки принялись метать оттуда стрелы и копья, которыми сразили двоих или троих всадников, но обстрел прекратился, как только Амизак на своем скакуне перемахнул через подводу и принялся крушить всех, до кого мог дотянуться мечом. Боевой конь его знал свое дело и беспрестанно кружил внутри огражденного кольца, сбивая с ног и давя каждого, кто оказывался рядом. Кончилось тем, что склавины полезли прятаться под возы, где сделались ничуть не опаснее забившихся туда баб и работников.

К этому моменту подросли воины Амизака, и участь захваченных была предрешена. В ночи металась тень всадников и пеших, звучали торжествующие возгласы и вопли, полные отчаяния. Безоружных не убивали, а сгоняли обратно, стегая плетью и ведя на арканах. Укрывшихся под повозками выдавили остриями копий и пылающими факелами. Всех собрали в толпу и усадили на землю, приставив к пленникам стражу. После этого началось разграбление.

Под присмотром Амизака с повозок сдергивали покрывала, и содержимое вываливалось на землю. Была там и дорогая чеканная посуда, и мешки драгоценной морской соли, и диковинные раковины, в которые можно было дудеть, как в боевые рога. Порадовали вождя свертки крашеной ткани и россыпи самоцветов, которые его соплеменники добывать и обрабатывать не умели. Были еще запечатанные кувшины с вином и маслом, сладкие сушеные плоды, орехи, предметы домашнего обихода тонкойковки, золотые и бронзовые украшения — много чего сложили и ссыпали к ногам Амизака. Но наибольшее любопытство его вызвала человеческая фигура, вытесанная из такого гладкого и белоснежного камня, что хотелось водить ладонью по поверхности бесконечно.

— Что это? — спросил Амизак, стараясь не выдать своего восхищения и потрясения.

Каменная статуя была высотой в полтора человеческого роста и, будучи поднятой и установленной вертикально по приказу вождя, нависла над сколотами грозным божеством. Кроме шлема и ременных сандалий, на ней ничего не было, и сколоты с живым интересом рассматривали подробности сложения каменного истукана и его детородного органа.

— Необрезанный, — высказал общее мнение Сагил, как следует осмотревший и ощупавший отросток. — Позорно мужчине ходить с такой штукой. Он как ребенок малый.

— Посмотри на его тело, на его руки! — вступился за каменного человека Октамис. — Это сложение не просто мужчины. Это великий воин!

Сколоты загудели, обсуждая статую.

— Ты заступаешься за него, потому что вы схожи! — выкрикнул Палий. — Безбородый и с детской свистулькой между ног.

Сравнение вызвало общий хохот. Не засмеялись только пленники, тоскливо ожидающие своей участи, и тот, от кого их будущее зависело, — сколотский вождь Амизак. Его неприятно взволновало открытие, сделанное Палием. Сходство Октамиса и белого истукана не ограничивалось мелкими деталями. У них было одно лицо, одно телосложение. Это представлялось Амизаку дурным предзнаменованием. Он подумал, что каменного гиганта нужно

раскрошить на куски, а Октамиса все же пора казнить, несмотря на все его достоинства.

Растолкав воинов, он подошел к молчаливому скопищу пленников, сидящих или лежащих на земле.

— Кто понимает наш язык, отзовись, — произнес он, переводя взгляд с одного лица на другое. — Такого я обещаю отпустить на свободу, как только он ответит на мои вопросы. Боги и люди тому свидетели.

Амизак картинно раскинул руки и обратил лицо к ночному небу, потом снова посмотрел на пленных. Один из них нерешительно поднялся и произнес слова приветствия. Речь его звучала несколько непривычно, но была понятна. Он назвался Барадасом и, как выяснилось после расспросов, принадлежал к родственному племени Амизака.

— Почему же ты не убил себя, собака? — грозно загомонили сколоты. — Зачем согласился быть рабом у никчемных склавинов?

Вождь оборвал их нетерпеливым взмахом руки и приступил к расспросам. Барадас отвечал с подчеркнутой готовностью, часто кивая и прикладывая руки к груди. Его угодливость раздражала, но вещи он рассказывал любопытные, поэтому Амизак слушал его, не перебивая...

Итак, обоз следовал от приморских греков, куда склавины возили на обмен мед, меха и горючую смолу. Вырученный товар предназначался для их вождя Яра, правящего страной из Высокого городища. Туда было еще полдня пути, поэтому склавины решили сделать передышку. Теперь они жалели об этом. Спокойствие родных краев оказалось обманчивым. Мало кто надеялся попасть домой и обнять родных.

Амизака не интересовали мысли и чувства пленников.

— Что это? — спросил он, указывая на белокаменного истукана.

— Греческий бог войны, — ответил Барадас. — Арес его зовут. Греки очень его чтят. Яр о нем прослышал и решил установить у себя. Чтобы не знать поражений в сражениях. Мы выменяли Ареса по его повелению.

— Но не довели, — отчеканил Амизак, после чего повернулся к своему воинству и распорядился: — Привяжите греческого бога к лошадям, оттащите к реке и там утопите. Туда ему и дорога.

— Остановись, вождь, — востепенулся Октамис. — Нельзя так с богами обращаться, даже если они чужие.

— Пошел вон.

Голос Амизака был преисполнен равнодушия, но лучше бы он накричал на юношу, чем обошелся с ним столь холодно и презрительно. Это было равнозначно тому, что бросить его на растерзание остальным воинам, которые все это время ревновали Октамиса и завидовали его возвышению. Настало время сведения счетов. Многие подумали так, хотя решили отложить месть на потом. Сперва скелетам предстояли иные, более увлекательные забавы: расправа над пленными и дележ добычи.

Что касается Октамиса, то он утратил интерес к обычным развлечениям — настолько его взволновал вид статуи. Незнакомый греческий бог не представлялся ему чужим, вовсе нет. Усмотрев в нем сходство с собой, в глубине души Октамис лелеял крамольную мысль о том, что он на самом деле является сыном Ареса. Почему нет? Разве не ходили среди скелетов сказания о богах, спускавшихся на землю, чтобы зачать детей от какой-нибудь красивой, здоровой и сильной женщины, достойной такой чести? Может, с Октамисом случилась подобная история? Не случайно же он так не похож на остальных мужчин своего племени! И родичей у него почему-то нет, хотя все прочие связаны кровными узами. Выходит...

Октамис мрачно уставился на воинов, обматывающих Ареса ремнями и веревками. Когда они, нахлестывая коней, поволокли его прочь, юноша отправился за ними, избегая ступать на полосу взрыхленной земли. Отчего-то это представлялось ему кощунством.

Черная река приняла белое изваяние с жадностью, в мгновение ока сомкнув над ним взбаламученные воды. Но когда пену снесло течением, Октамис отчетливо увидел белый лик Ареса, обращенный к нему из глубины. Кольшущиеся отражения звезд и луны придавали зрелищу вид таинственный и грозный.

— Прости их, бог войны, — прошептал Октамис. — Нет! Лучше не прощай их! А прости только меня — за то, что не заступился, не остановил твоих обидчиков. Но вождя я покараю, вот увидишь. Клянусь тебе в этом, Арес, отец мой. Отныне я твой сын и буду служить тебе одному. Никаких других богов не стану чтить, кроме тебя.

Всадники, утопившие изваяние, давно ускакали, и у реки было совершенно тихо и безлюдно. Прислушиваясь к воплям и взрывам хохота, доносящимся из разгромленного стойбища, Октамис вышел из реки, где до того стоял по пояс в воде. Оглядываясь, он побрел на свет костров и горящей травы. Некоторое время юноша слепо переставлял ноги, видя перед собой не степь, а каменное лицо, погруженное в глубокую темноту, но вскоре какие-то посторонние звуки вывели его из задумчивости.

Хрум-хрум-хрум. Это был звук травы, рвущейся и перемалывающейся лошадиными зубами. Услышал Октамис и звяканье сбруи. Он потом и сам не мог объяснить, что именно его насторожило. Ведь по степи теперь бродило много коней, потерявших хозяев, ничего необычного в этом не было. И все же Октамис бесшумно вытащил меч из ножен. Возможно, бог войны Арес предостерег и надуумил его.

До ушей Октамиса донеслось треньканье спущенной тетивы, но он упал на землю еще за мгновение до этого. Стрела разочарованно просвистела, уносясь в ночь. Пригнувшись, Октамис кинулся в ту сторону, откуда она прилетела. Навстречу ему выдвинулась мужская фигура. Это был Корсак, который топил греческую статую вместе с остальными, но не возвратился в стойбище, а устроил засаду, зная, что Октамис остался у реки. Не имея возможности снова воспользоваться луком, Корсак отбросил его и тоже выхватил меч.

Кінець безкоштовного уривку. Щоби читати далі, придбайте, будь ласка, повну версію книги.

ridmi
ТВІЙ УЛЮБЛЕНИЙ КНИЖКОВИЙ

КУПИТИ